

Любовь Турбина,
ИМЛИ, Москва

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ПРОТИВНИКОВ: «ПТИЦЫ И ГНЁЗДА» ЯНКИ БРЫЛЯ И «КРЕСТ БЕЗ ЛЮБВИ» ГЕНРИХА БЁЛЛЯ

Роман Янки Брыля «Птицы и гнёзда» имеет подзаголовок «История одной молодости» и две датировки с двадцатилетней дистанцией: 1942–1944 и 1962–1964. Известно, что истоками романа были сюжетно связанные повести («Солнце сквозь тучи» и «Живое и гниль»), писавшиеся по свежей памяти, когда Янка Брыль, бежав из плена, скрывался в родных местах. Потом рукописи повестей оказались в партизанском лесу.

Возвратился Брыль к этому материалу лишь двадцать лет спустя, зрелым художником. Роман «Птицы и гнёзда» родился непосредственно из событий жизни автора, описанных в ранних повестях, и был впоследствии обогащён жизненным и художественным опытом последующих двадцати лет. В целом это заново переплавленный, яркий автобиографический материал, отлившийся в форму эмоционально многослойного романа. Публикация романа давалась автору крайне трудно, это можно понять из переписки Янки Брыля с Алесем Адамовичем, датированной как раз 1962–1964 годами [1], [4].

Волею исторических обстоятельств перед самой Великой Отечественной Янка Брыль, никуда не выезжая из отчего дома, оказался на территории Польши и был призван в польскую морскую пехоту с началом мировой войны и почти сразу оказался в лагере для военнопленных. Таким образом, он ранее других соотечественников столкнулся с немецким фашизмом, причём имел возможность наблюдать врага вблизи, на его территории.

Собственно в лагере и начиналась первая повесть с подзаголовком «Холодная стая», в дальнейшем послужившая автору первой частью большого романа: его герой просыпается в бараке от выкриков немецких команд, среди множества других молодых людей в чёрной форме морских пехотинцев и в форме пехотинцев цвета хаки. Он не слишком переживает, что начало военных действий, в которых он поневоле участвует, окончилось неудачей. Но потеря личной свободы, унижения и тяжесть плена молодого парня, естественно, угнетают, в то же время зоркий взгляд художника фиксирует детали лагерного быта и психологию надзирателей и заключенных.

Герой романа, бывший солдат, белорус-«западник» Алесь Руневиц видит (а через его восприятие и мы) ту Германию 1939–1940

годов, которая просто недоступна была взгляду людей, попавших в лагерь или на немецкую каторгу позже, а потому и незнакома по другим произведениям и русской, и белорусской литературы. Крестьянский парень из Западной Белоруссии Алесь Руневи́ч оказался в плену в 1939 году, когда фашистская Германия (по меткому выражению Алеся Адамовича) «только ещё выходила на большую дорогу мирового разбоя, когда в ногах немецкого обывателя, надевшего мундир, страха было больше, чем показного энтузиазма и восторга на физиономии. Это потом (и в романе это показано) все и вся захлестнуло нацистское самодовольство.

Фашизм многолик. Лагеря смерти – не единственное его проявление. Алесь Руневи́ч, живущий среди бауеров, городских обывателей, больше всего сталкивается с мещанским ликом фашизма.

Постепенно всю Германию нацисты превратили в огромный концентрационный лагерь, окружив согнанных со всего мира людей не только рядами колючей проволоки, но и стеной обывательской преданности немцев своему фюреру. На каждом шагу Алесь натывается на эту слепую стену, и это помогает ему освободиться от юношеских благодушных мечтаний о толстовском братстве людей, пробуждая волю к борьбе.

Но и в среде немцев, как ни противно Алесю обывательское самодовольство множество мелких «сверхчеловеков», он умеет увидеть настоящих людей. Он способен понять переживания той немецкой матери, которой не нужна эта война, и боязнь старого бедняка Шмитке за судьбу своей дочери; Алесь остаётся навсегда благодарным женщине-матери, которая накормила их, беглецов, и не предала, хоть «фюрер и требует»; Алесь с пониманием смотрит на рабочего, который советует ему быть осторожнее, потому что кругом доносчики... Глазами пленного белоруса Я. Брыль увидел и показал то воистину высокое, человеческое в людях разных наций (в том числе и немецкой), что противостояло фашизму и что победило чуму XX столетия.

Есть у Руневи́ча одно чувство, которое направляет все его помыслы, определяет поступки, – чувство Родины, особенно обострившееся в неволе. Активное начало в характере Руневи́ча именно в этом неискоренимом чувстве Родины. Он постоянно, как магнитная стрелка, направлен внутренне туда, где его народ. Он совершает один побег за другим. И мы понимаем: если бы и второй побег не удался, он бежал бы снова и снова. Лучшие страницы романа те, где читатель уносится вслед за памятью пленного белоруса туда, где прошло его детства, видит его Белоруссию.

Когда герой романа Я. Брыля, убежав из неволи, уходит к партизанам, он уже опытный боец. Тем более непримиримый, что он знает изнутри нацистскую Германию, которая вскормила и послала против его Родины миллионы убийц. Но это не слепая ненависть, в ней заключена и мысль о будущем немцев, против которых партизан Руневиц сражается: «Немцы, я не брошу вас там, за проволокой границы. В огонь наших встреч я понесу и облик людей, и образы чудовищ, вызванных или рождённых фашизмом!» [3, с. 22].

После этого прямого, эмоционального обращения белорусского писателя к немцам самое время услышать голос с той стороны, чтобы состоялся диалог – включить в наше рассмотрение роман Генриха Бёля «Крест без любви». Это самый первый, не публиковавшийся прежде роман известного писателя, написанный им сразу по возвращении домой после шести лет войны и плена (до этого были созданы всего несколько новелл), и на родине был впервые опубликован лишь в 2002 году. Бёлль и Брыль – ровесники (оба родились в 1917 году), и потому их впечатления о войне особенно интересно сравнить.

В своём эссе «В самом начале» (1973) Бёлль так описывает историю создания романа «Крест без любви»: «Мой первый послевоенный роман я написал в 1946 году; он не был напечатан, и позже я никогда не предлагал его для публикации. А написал я его потому, что прочитал в журнале “Neues Adenland” объявление о конкурсе рукописей... Целью этого конкурса было “выявление лучшего романа среди работ, посвященных сопоставлению христианства и национал-социалистического мировоззрения”. Роман был очень объемист, написан, кажется, сразу набело, без черновиков... Жюри конкурса его вернуло без комментариев, я сунул рукопись в ящик стола и забыл о ней» [3, с. 29].

В действительности в рукописи оказалось чуть более 200 страниц, правда, сохранились и наброски, по крайней мере к двум первым главам. Конкурс должен был служить обновлению Германии в общехристианском духе, то есть в русле подлинной западноевропейской духовности. Бёлль в ту пору был глубоко убеждён в необходимости христианского обновления страны, это видно из его многочисленных писем с фронта. Он засел за написание романа, жалуясь друзьям, что работа требует множества переделок, что он смертельно устал и ни за что не станет перечитывать этот роман. Два года роман пролежал в редакционном портфеле, а затем редактор высказался весьма определённо: признавая за романом общечеловеческую достоверность и литературные достоинства, он отмечает недостаточную глубину анализа сущности национал-

социализма. А германская армия показана не объективно, в излишне чёрных тонах.

Принципиальный противник всякого милитаризма, казарменного духа и тем более войны, Бёлль не мог согласиться с такой оценкой. Будучи ревностным католиком, он тем не менее решил в дальнейшем сотрудничать не с религиозно-патриотическими, а с либеральными издательствами.

В отличие от романа белорусского писателя, полностью основанного на личном опыте автора, роман «Крест без любви» нельзя назвать автобиографическим, хотя в нем есть многое из жизни Бёлля. Семейство Бахем отнюдь не точный портрет родных автора, очевидно, что центральная фигура в семье – фрау Бахем – написана с матери Бёлля, умершей в ноябре 1944 года. Кроме того, младший её сын, Кристоф – безусловно лирический герой романа, его роднят с автором не только религиозность, душевная тонкость, отзывчивость и интеллигентность, но и внешность – высокий рост и худоба. Не все детали их биографии совпадают. Да и страницы, посвященные описанию солдатской жизни на фронте и в казармах, лишь косвенно связаны с личными впечатлениями автора.

В начале романа Бёлль психологически точно описывается отношение семьи Бахем к набирающему силы фашизму: набожная мать сердцем чувствует приближающуюся опасность, у юношей, её сыновей, а также у ближайших друзей отношение не такое уж однозначное, каждый из них примеривает на себя действительность – что несут эти перемены именно ему? Автор на примере одной семьи описывает, как мыслящие немцы воспринимали постепенный приход фашистов к власти.

По жанру это скорее роман-диалог, чем роман событийный, авантюрный, хотя событий в нём тоже немало: довоенная жизнь братьев Ганса и Кристофа сильно отличается – Ганс служит новой власти как чиновник, Кристофер путешествует; в одном из путешествий он встречается с художником, который рисует с него образ святого мученика на своей картине, но не успевает кончить работу, как путешественника настигает известие: он призван в армию, началась война.

Но до этих событий бесконечные споры, которые ведут братья, а также их мать и друг Йозеф, занимают большую часть текста. Мать и Йозеф высказываются с позиций католического мировидения, мировоззрение братьев более политизировано.

Наиболее интересны рассуждения Ганса, и вслух, и про себя, мысль о возрождении Германии любой ценой среди них одна из главных: «Мать наверняка пришла бы в ужас, если бы увидела эти лица и эти мундиры. Никто из них, пожалуй, никто в жизни не

молился...а потом дурманила и пьянила мысль о том. Что все они исполняли жесткую волю государства, целью которого была свобода Германии; скромностью и деликатными манерами не распутать грязный клубок европейской политики» [2, с. 37].

Не Кристофер – альтер эго автора – а его старший брат Ганс поистине герой романа, трагический герой: его рассуждения о том, что с новой властью заодно он только идеологически, но молчаливое неодобрение матери его угнетает, и он не может поэтому включиться в бездумное торжество той части молодежи, которая влилась в ряды нацистской партии, даже если это вполне привлекательные девушки.

По ходу сюжета автор приводит лейтенанта Ганса в небольшое русское (белорусское?) село. В сарае, среди запертых там преступников – трёх женщин и одного немецкого солдата, которые спят – он хватает за ногу и трясет солдата, а когда тот медленно стаскивает с лица платок, видит бледное и спокойное лицо своего брата Кристофа.

Судьбоносное решение отпустить брата и его «подельниц», приносит Гансу облегчение, несмотря на смертный приговор; он даже успевает покаяться перед братом, что это из-за него Йозеф оказался в лагере. Вышестоящее начальство готово предоставить ему последнюю милость – застрелиться самому. Но Ганс отвергает этот выход, сам идёт под суд по закону военного времени...

Кристоф возвращается домой, где успевает застать живой умирающую мать – она на расстоянии почувствовала смерть Ганса, что Кристофер и подтверждает. Йозефа выпускают из лагеря; роман фактически закончен со смертью Ганса.. Поступок его правильное всего назвать покаянием – он осознал, как ошибочно было его служение власти, к которой не лежала душа, но подталкивал разум. На последних страницах – мирная семейная сцена: Кристофер собирается ужинать со своей женой Корнелией, которая испытующе глядит в его лицо и говорит о том, что в них «навсегда останется что-то от вспугнутых птиц из разрушенного гнезда» [2].

Вот они, эти ключевые слова – птицы и гнёзда, название романа Янки Брыля в эпилоге романа Генриха Бёйля, которые отыскились много позднее, чем возникло само сопоставление двух романов – немецкого и белорусского. Оба автора работают в одной художественной системе, это не чисто внешнее совпадение. Симптоматично начало любого романа; У Бёлля это взгляд с земли на небо: «В тумане казалось, что крест на церкви Святой Марии качается, словно фигура на носу парусника; он то поднимался, то опускался, а туман обтекал его и исчезал в вышине...» [2, с. 5].

Роман Брыля в окончательном варианте начинается вступлением, которое было написано через 20 лет, уже в 1962 году,

после того, как человек побывал в космосе: «Тогда её, нашей любимой и страшной земли, ещё никто не видел издали, в её голубом сиянии. Одинокая, она свободно, беззвучно крутится в черной бездне, загадочно послушно и очень точно поворачивает к свету то один, то другой бок живого глобуса, мокрого от крови и шершавого от руин» [3, с. 7].

Этот отстранённый взгляд, временная дистанция, позволяет автору подняться над материалом своего романа, взглянуть шире на собственные юношеские переживания, найти всеобщее в частном.

Поскольку роман Генриха Бёлля был напечатан в том виде, в котором был написан (автор не счёл нужным перерабатывать свой юношеский роман, начал писать следующие), в этом раннем романе и не могло ощущаться той временной перспективы, которая появится в последующих книгах известного немецкого романиста.

В отличие от Ганса из книги Бёлля, Алесь Руневиц в романе Янки Брыля «Птицы и гнёзда» не в противоречии с самим собой даже в тяжелых лагерных условиях; почти половина текста посвящена его родным местам, близким людям, детству. Эти воспоминания окрашены исключительно теплыми красками, они – его душевная опора, к ним он припадает, как Антей к земле, когда силы на исходе.

Краткие, но выразительные портретные зарисовки нижних чинов немецкой армии, зафиксированные на страницах романа «Птицы и гнёзда» Алесем Руневицем, дают читающему представление о том, как формировался характер солдата гитлеровской армии, перед решающим броском на Восток, как натаскивали их на пленных поляках перед нападением на СССР.

Если в романе «Крест без любви» герои-немцы, пишут о своих соотечественниках, то юного героя романа Брыля обстоятельства поставили сразу в условия, при которых ему надо выживать в экстремальных условиях, а потому белорусу необходимо наблюдать за немцами, то есть за врагами, чтобы упреждать удары и подвохи.

По композиции сопоставляемые романы построены диаметрально противоположно: в своём романе Г. Бёлль подробно останавливается на самых важных, решающих эпизодах судьбы героев, о многом читателю остаётся только догадываться или недоумевать (например, что было с каждым из братьев в армии до их встречи); чётко обозначена кульминация романа – встреча братьев в оккупированной России, когда ценой своей жизни старший брат спасает жизнь младшего. Эта встреча описана автором очень подробно. Автор не объясняет, как Кристоф оказался среди пленных скорее всего партизанок; на последних страницах романа и в эпилоге этот эпизод ни разу не возникает в мыслях самого Кристофа,

кажется, будто он проспал всё время службы в армии и не помнит (не хочет помнить!) ничего.

Герой романа Я. Брыля, наоборот, подробно фиксирует даже незначительные, каждодневные события. Брыль несколько не склонен к пафосному восприятию событий, что тоже характерно для дневниковых записей, а вот в традиционном романе Бёлля его местами трудно избежать.

Белоруссия не раз и не два оказывалась в эпицентре европейских событий – географически и исторически. Тут начинались, происходили или завершались многие драмы войн, восстаний, дипломатических и национальных конфликтов.

По наблюдению А. Кавка, вопрос о национальной направленности бесспорно является приоритетным в творчестве Янки Брыля [5].

Генрих Бёлль после первой пробы пера – романа «Крест без любви» – достиг высшей степени писательского мастерства при написании своих знаменитых послевоенных романов и получил Нобелевскую премию по литературе, оставаясь непреклонным антифашистом, круг его идей не изменился на протяжении всей жизни.

Янка Брыль после вполне удачного, оригинального романа-дневника продолжал писать рассказы, повести, постепенно переходя ко всё более «малоформатной», дневниковой прозе. При этом, как и Бёлль, он оставался последовательным антифашистом и пацифистом. Потому что в юности они воочию хлебнули той общечеловеческой трагедии, именуемой войной и ненависть к которой соединяет думающих людей разных национальностей.

Литература

1. Адамович, А. Горизонты белорусской прозы : Лит.-критич. очерки / А. Адамович. – М. : Сов. писатель, 1974. – 318 с.
2. Бёлль, Г. Крест без любви / Г. Бёлль. – М. : Текст, 2004. – 114 с.
3. Брыль, Я. Птушкі і гнёзды : выбранае / Я. Брыль. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2006. – 462 с.
4. Янка Брыль – Алесь Адамовіч. “...У большым мы не саступім”. *Перапіска 1960–80-х гадоў. (Заканчэнне)* / Я. Брыль, А. Адамовіч // Дзеяслоў – 2010. – № 4 (47). – С. 254–267.
5. Каўка, А. Сумуючы над вечным. Памяці Янкі Брыля / А. Каўка // Скарыніч – 2008. – № 7. – С. 84–93.